

I. Идея нового человечества

Никогда еще мир не был исторически столь невменяем, как в наше время и, вместе с тем, никогда еще на нем не лежало большей исторической ответственности, чем теперь. Никогда перед ним не стояли столь великие проблемы и никогда не предлагались столь ничтожные решения, как в это время, — время, являющееся, в известном смысле, критическим с точки зрения всей вековой истории человеческого развития, знаменующее собой начало совершенно новой эры в существовании человечества.

Наше время — не только эпоха «тысячи кризисов» (Шпан), но еще большего числа раздражающих контрастов, противоречий и несоответствий. Но, может быть, ни в чем это состояние трагических несоответствий и роковых дилемм не сказывается с такой разительностью и чреватостью грозными последствиями, как в несоответствии между крайним всечеловеческим универсализмом нашей эпохи — с одной стороны и столь же крайним ее индивидуализмом — с другой стороны.

Человечество всегда в лице своих лучших представителей и великих народов мечтало о всемирном объединении. Но никогда эта заветная цель не была столь насущной и диктуемой самой жизнью, как теперь. Наша эпоха предельно универсалистическая и вселенская эпоха, и потребность народов во всемирной организации является настоятельной, как никогда. Человечество достигло того уровня всемирно-истор. развития, когда почти все проблемы его становятся мировыми, когда все интересы приобретают общее значение, когда все переплетается со всем и нет ничего существенного, что могло бы жить своей отдельной замкнутой жизнью. Каждое частное дело людей и народов возвышается на уровень Общего Дела, люди вопреки даже своей воле и желаниям должны думать и говорить о солидарности, взаимности, соучастии, сотрудничестве и т. п. Поэтому проблема международных отношений сейчас самая актуальная, самая трагическая и самая значительная из всех проблем. Никогда еще не была столь ве-

лика необходимость народов в объединении и никогда еще не было столь глубоко между ними разединение. Никогда еще жизнь не была столь всеобщей и всемирной и никогда эгоизм, партикуляризм и хищное рвачество всех: отдельных государств, групп и классов — не достигали таких размеров, как теперь. Однако, и эта отрицательная сторона, в известном смысле, также лишь подтверждает первую, положительную сторону. Ибо она указывает на то, что все пришло в соприкосновение со всем, все интересы связались и переплелись, — и не организованные гармонически, они превращаются в клубок бесконечных противоречий и борьбы. Мирное состояние может поддерживаться или в силу того, что интересы не соприкасаются — так было в значительной мере до нашей эпохи, или в силу того, что они гармонически совпадают — так, верим, будет в грядущую новую эпоху. Но между этими двумя крайними случаями: когда отношения еще отсутствуют, — с одной стороны и когда они являются уже гармонически организованными, с другой, находится третий случай переходного состояния, когда отношения уже возникли, связи уже завязались, но они еще не организованы, не гармонизированы, как положительные отношения. Благодаря этому они являются тогда отношениями борьбы, отрицательными отношениями. В такой промежуточной переходной стадии находится сосуществование современных народов. Они, с одной стороны, уже вышли из своего более или менее замкнутого и изолированного состояния и пришли всеми сторонами своей жизни в соприкосновение и взаимодействие, а с другой стороны, это соприкосновение и взаимодействие еще не организованы настолько, чтоб появившиеся отношения являлись положительными и гармоническими. Отсюда их борьба. Отсюда хищный, зоологический национализм, соответствующий этому промежуточному переходному состоянию.

Но тем актуальнее встает на очередь — великая проблема гармонического объединения народов, проблема их всечеловеческого единства.

Несмотря на то, что сама по себе идея человечества, как **отвлеченная реальность**, существует давно, лишь наше время является всемирно-историческим моментом **рождения человечества**, как такового, лишь в наше время входит в мир эта высшая, в известном историческом смысле, предельная реальность, ибо нации, племена, расы суть, ведь, только промежуточные и переходные исторические образования.

Действительно, можно считать, что лишь теперь история на самом деле становится «всеобщей» и мировой. До сих пор она была лишь **историей народов**, в лучшем случае — комплексов народов: была китайская цивилизация, египетская, ассиро-вавилонская, греко-римская и др., наконец, западно-европейская. Но еще не было истории, в подлинном смысле, всеобщей и культуры, действительно, мировой. Лишь в наше время зарождается новая высшая, универсалистическая культура, которая действительно, будет мировой и завязывается история, которая на самом деле будет общечеловеческой.

Но всеобщая история и мировая культура предполагают и субъекта такого же всемирного масштаба. Таким субъектом их и является новая формирующаяся в нашу эпоху высшая реальность — человечество.

Но это лишь одна, внешняя и, так сказать, количественная сторона дела. С ней совпадает, соответствующая ей, вторая, более существенная, сторона, имеющая тоже значение условия (внутреннего) рождения человечества, как такового.

Мы все время, во всех своих высказываниях говорим о нашей переходной, критической эпохе, как всемирно-историческом моменте зарождения новой высшей эры человеческого развития, эры **Истории в собственном смысле**. Различие это знаменует, прежде всего, то, что человек из **объекта** своей судьбы, каким он являлся в своем предыдущем историческом существовании, стремится в своей воле к **организации мира** стать **субъектом** ее, повелителем и творцом. История в собственном смысле и рождается в тот момент, когда лишь **объективный** процесс развития, в котором человек являлся только продуктом закономерности, превращается в **объективно-субъективный** процесс, в котором человек становится организатором и творцом этой закономерности. Следовательно, **развитие**, как таковое, перерастает в **Историю** в собственном смысле там, где объективный процесс обретает свое высшее, субъективное бытие, где из слепой, детерминированной стихии подымается организующий ее и законодательствующий Творец.

Но если История отличается от развития тем, что в ней объективный процесс обретает свое высшее субъективное бытие, значит предполагается при этом и рождение **субъекта**, в качестве носителя этого нового процесса. Таким субъектом Истории в собственном смысле, становящейся в тоже время Мировой Историей и являющейся рождающаяся в наше время новая, высшая реальность: человечество.

Рождение человечества в качестве субъекта Истории в том и другом смысле — внешнем, количественном и внутреннем, качественном — связано определенной законсообразной зависимостью, ибо история, если она не есть Мировая История, не есть еще История, так как тогда частное начало, дезорганизующее мир и раз'единяющее человеческое бытие, не только сохраняется, но выступает в гигантском и максимально мобилизованном виде. — Национальный **эгоизм** есть более страшная дисгармонирующая и дезорганизующая сила, чем персональный эгоизм, ибо он выступает во всеоружии и в наибольшем масштабе отрицает единство, — дезорганизуя мир не по мелочам, а сразу во всем его масштабе.

Если цель организации Природы, в известном отношении, состоит в гармоническом воссоединении с ней человека, при котором она из подавляющего его противопоставления превращается в утверждающее его восполнение, то цель организации Истории — в ее частном субъективном моменте — состоит в гармоническом воссоединении человека с человеком, в пределе — человека с человечеством, при котором

также люди из подавляющего противопоставления друг для друга превращаются во взаимноутверждающее восполнение. Но такое гармоническое воссоединение людей есть ничто иное, как братство их. Следовательно, цель организации Истории — человечество, — подлинное, единое, **реально** существующее человечество. Суть же человечества — братство людей, братство **людей и народов**. Последнее также важно и даже важнее, чем первое. Ибо раз'единение и антагонизм народов есть лишь в больших масштабах тоже, что и раз'единение и вражда отдельных людей. И если замысел организации Истории — в **овладении человеком своей судьбой**, в преодолении своей немощи и ограниченности, то этот замысел не может быть осуществлен также при дисгармоническом раз'единении народов, как и при раз'единении людей вообще.

Таким образом, рождение человечества в наш всемирно-исторический момент — в смысле субъекта Истории, становящейся действительно мировой и в смысле субъекта ее, как становящейся Историей в собственном смысле — является ничем иным, как рождением подлинного, творческого, — Демиургического братства людей, **братства-сотрудничества**, об'единенного в Общем Деле преобразования мира, в чем и состоит сущность и замысел Истории в собственном смысле.

Из этого следует, что до наступающей в наше время новой, подлинно универсалистической эпохи (см. ст. «О героич. мир.») человечество не только не существовало, как особая универсалистическая **реальность**, ибо оно было лишь **отвлеченным понятием**, а не живой, воплощенной действительностью. — Само это понятие было лишь **собирательным** понятием **совокупности**, как например: лес, толпа, стадо и т. п., простой арифметической суммой, а не органическим единством. Но совокупность элементов не есть еще целое. Совокупность вещей, из которых состоит организм, не есть еще организм. Это механически-внешнее, собирательное понятие человечества указывало лишь на его количественный состав, — в аристотелевском смысле — материю, но оно не знало — в том же аристотелевском смысле — энтелехин, идеи его, благодаря которой материя организма становится организмом.

Всякое живое образование конституируется двумя моментами: с одной стороны, оно представляет известное единство, единство своих элементов, частей; с другой — это единство определяется известной, осмысливающей его, целью. Таким образом, оно есть некое целесообразное единство. Человечество же является высшей субъективной категорией Истории в собственном смысле. И в качестве такового, оно конституируется **идеей Истории**, которая состоит в Абсолютном идеале преобразования мира, в Общем Благде демиургического подвига Творчества-Труда. И в этом цель его, как высшего предельного субъекта Истории в собственном смысле, как носителя и творца Общего Дела преобразования мира. Следовательно, **единство**, — второй основной момент человечества, определяющееся этой Целью, должно быть актив-

ным, творческим, демиургическим. Им, как было сказано, и является мироорганизующее братство-сотрудничество людей, которое и образует собой существо человечества в этом втором его конститутивном моменте.

Таким образом, подлинная идея человечества может быть построена и обоснована лишь на почве соответственного мирозерцания, соединяющего в себе эти два основных ее момента — Абсолютный идеал преобразования мира, как содержание и цель Истории в собственном смысле, и объединение людей в Общем Деле преобразования мира, их активное Демиургическое братство-сотрудничество.

Современное же понятие человечества есть создание позитивистически-гуманистического движения эпохи Нового Времени. И зачатое в утробе такого позитивистического материалистического сознания, оно и родилось столь же плоским, поверхностным и бессодержательным. Представление о человечестве в этой позитивистической идее таково же, как и позитивистическое представление о человеке. А известно сколь убого, плоско и внутренне бессодержательно это последнее.

Но больше того, Позитивистическая идея человечества не только поверхностна и пуста, она также внутренне противоречива. Ведь с позитивизмом необходимо связан — исторически и по существу — индивидуализм, механистически-атомистическая структура бытия. Понятие же человечества по самому существу своему, универсалистическое, целостное и органическое понятие, происходящее из противоположного типа мирозерцания. Поэтому только на основе такого универсалистического, целостного и органического сознания и может быть построена истинная идея человечества. Позитивистическая же идея его может служить лишь **предварительным** его понятием.

Такое внешне-механическое, собирательное понятие человечества знает единство человеческого рода лишь во внешне-материальном аспекте **пространства**, но оно не знает высшего вида этого единства, единства в историческом аспекте **времени**. Ибо этот вид единства предполагает особую **историческую идею бессмертия**, чуждую и не-вместимую в вульгарном, натуралистически-материалистическом сознании позитивизма. А между тем, в этом вся значительность единства человеческого рода, ибо при таком его понятии История перестает быть лестницей, в силу которой каждое последующее поколение переступает через груп всех предыдущих и превращается в великое Сотрудничество-Братство людей, в Общее Дело всего рода человеческого, в котором осуществляется Абсолютный идеал преобразования мира, творческое Утверждение всего живущего.

Позитивистическое сознание было **натуралистическим**, поэтому оно знало лишь **горизонтальный**, пространственный аспект бытия, — мир, как Природу. В наше же время рождается новая высшая, **темпоралистическая** (tempora — время) картина бытия, мир в своем временном, вертикальном измерении, — мир как История. Поэтому и под-

линная идея человечества, как понятия **исторического** по преимуществу, может явиться лишь вместе с рождением этого нового сознания. Тем самым, конституирование человечества по линии вертикального, временного, исторического единства будет основным и определяющим. А это сообщит совершенно иной и неизмеримо более высокий образ и его понятию.

Следовательно, идея бессмертия, как идея сверхвременного единства, является конститутивной и внутренне необходимой для истинного понятия человечества, ибо последнее — реальность не столько пространственного, натуралистического, сколько временного, истор. порядка. Конечно, эта идея бессмертия — особого, высшего порядка и ничего не имеет общего с теологической идеей бессмертия. Человечество есть высший субъект Истории, как таковой, а История конституируется как всевременное, точнее, сверхвременное становящееся Единство. Отрицательный принцип Истории — время, как Вечность, — эта категория бессмертия, ее положительный принцип. Поэтому и человечество, как историческая категория по преимуществу, должно определяться этими двумя принципами Истории. Оно отрицательно — соотносительно времени, с одной стороны и положительно — соотносительно Вечности, с другой стороны; оно носитель борьбы и преодоления времени, как отрицательного аспекта своей судьбы и творческого утверждения Вечности, как положительного ее аспекта.

Следовательно, новая Демиургическая идея человечества является результатом углубления его прежнего понятия и возвышения его. Она конституируется не отношением к относительному, не позитивистической категорией конечности, а отношением к Абсолютному, новым понятием бесконечности.

Новое человечество, — демиургическое с одной стороны и **темпоралистическое** — с другой, и старое понятие человечества — **позитивистическое** — во первых и **натуралистическое** — во вторых, — суть выражения двух противоположных типов мирозерцания: рождающегося прометеевского демиургического мирозерцания и отмирающего позитивистически-материалистического. В этом противопоставлении коренятся все выше представленные различия этих двух идей человечества.

II. Нация и человечество

Проблема человечества с известной последовательностью вызывает и проблему нации, последовательностью особенно актуальной и многозначительной в наше время, создавшее здесь чудовищную и чреватую грозными последствиями антитезу, хотя ее на самом деле нет.

В действительности нация и человечество не только не исключают, но предполагают друг друга. И без наличия одного из них не мо-

жет быть полного и совершенного осуществления и другого. Они суть коррелаты, — соотносительные реальности. Так листья и ветви могут жить лишь в составе целого — дерева и будучи от него отъединены, умирают. А с другой стороны, и дерево не может жить вне своих листьев и ветвей, вне составляющих его частей и элементов. Поэтому развитие национального и общечеловеческого начала происходит соотносительно. Еще Спенсером было доказано, что интеграция и дифференциация не две исключающие, а две восполняющие друг друга стороны во всяком развитии, друг друга обуславливающие и вызывающие.

Точно также, как музыкальная симфония предполагает гармоническое многообразие звуков, без которого не было бы и симфонии, как художественная картина требует разнообразия красок, без чего она превратилась бы в простое пятно, так высший организм человечества предполагает свои составные части, народы, живые индивидуальности наций, без чего не было бы и этого организма. А с другой стороны, подобно тому, как отдельный звук, как отдельно взятая краска приобретают все свое значение лишь в высшем единстве музыкальной симфонии или художественной картины, так и отдельные народы могут достичь своего полного и высшего утверждения лишь в единой всечеловеческой симфонии.

Ложь фашизма и коммунизма в том и состоит, что они являются выражениями антитезы этих двух, в действительности, коррелятивных начал, представляя, с одной стороны, атомистический, оскопленный национализм, а с другой — пустой, чисто негативный интернационализм. Как и в других аспектах жизни, фашизм со своим перегибом палки в другую сторону, в сторону национализма, есть лишь рефлекс на ложь коммунистического интернационализма. Каждый из них в отдельности выражает порознь часть истины, но в таком разрыве, исключительности и взаимной противопоставленности они представляют собой ложь. Следовательно, целостная и гармоническая истина не в противопоставлении и исключительности той или иной реальности, а в их синтетическом единстве.

Национализм фашизма есть реакция на длительный период интернационалистической антинациональной тенденции современной буржуазной цивилизации, основная движущая сила которой — капитал, не знает и не хочет знать ни родины, ни нации, ни принципа, ни идеи, а лишь голый материальный интерес «золотого тельца», которому безразлично — кто, где, как и откуда воздаст ему свои жертвоприношения. Коммунизм же лишь коллективизирующий этого «золотого тельца», поклоняющийся ему не «индивидуально», а «коллективно», не знающий тоже ничего выше материального интереса, создает лишь новую и притом, более законченную и агрессивную форму той же безродной интернационалистской тенденции, провозглашая, что у «пролетариев нет отечества». И действительно, его основная категория, — класс есть материалистическая, социально-экономиче-

ская категория, которой нет дела до духовно-культурных ценностей; нация же, как таковая, есть идеалистическая, культурно-историческая категория.

Но эти буржуазно-«пролетарские» тенденции интернационализма были не столько утверждением человечества и общечеловеческого начала, сколько только отрицанием нации и национального начала. И буржуазный космополитизм, и «пролетарский» интернационализм суть явления по преимуществу негативного характера. Отрицая одно начало, они не создавали другое, ибо создавать их можно лишь вместе, лишь в единстве и во взаимодействии. Поэтому наше время реабилитации национального является в тоже время исходной точкой и для творчества подлинно общечеловеческого.

Утверждать человечество в противопоставлении нации, значит отрицать не только нацию, но и человечество; точно также, как утверждать нацию в противопоставлении человечеству значит отрицать не только это последнее, но и ее самое. Нет целого без частей, и не могут жить части без единства и взаимодействия в целом. Чем выше развитие целого, тем благоприятнее существование и частей, и чем полнее развитие частей, тем выше и состояние целого. Противопоставление нации и человечества, как и пресловутый конфликт между личностью и обществом есть величайший и роковой предрассудок современной атомистической цивилизации, все раз'единившей и противопоставившей друг другу. Выражением и мотивом этого противопоставления является эгоизм, — национальный или персональный, и уже это одно указывает на ложь и самого противопоставления. На самом деле оно есть не идеальный и онтологический порядок, а лишь эмпирический и не совершенный порядок.

Поэтому, следовательно, наше решение и здесь должно идти не по линии антитезы нации и человечества, — национализма или интернационализма; антитезы, при которой понятие нации оскопляется и снижается, понятие же человечества опустошается и обезличивается, а по линии Синтеза этих двух реальностей, не исключających, а восполняющих друг друга, — по линии особого сверхнационального **Универсализма**. Универсализм сверхнационален и потому — всенационализм, интернационализм же безнационален и потому — антинационализм. Истина, следовательно, не в националистическом самоутверждении народов и не в интернационалистическом их отрицании, а в универсалистическом братстве народов, в сверхнациональном и тем самым, всенациональном их единстве.

В этом возведении единства национального и общечеловеческого на уровень идеологии мы лишь реалисты, ибо реальная жизнь, вопреки националистическим и интернационалистическим утопиям, всюду живет одновременно и в национальном и общечеловеческом аспекте. При том, именно наше время как раз представляет крайнюю степень развития и того, и другого начала.

Что дело идет к осуществлению Синтеза и в этой сфере совре-

менной жизни, Синтеза, который преодолет и вместе с тем, вместит правду национализма и интернационализма, показывает и то знаменательное явление, что даже крайние представители этой антитезы — фашизм и коммунизм, эволюционируют в том же направлении: безусловно сейчас совершается некий процесс национализации коммунизма — с одной стороны и интернационализации фашизма — с другой стороны. Нужно даже думать, что такая крайняя поляризация этих двух начал в фашизме и коммунизме, выявив со всей силой правду и ложь того и другого начала, будет лишь способствовать — и идеологическому, и практическому, осуществлению их Синтеза, являющегося в этой сфере современной жизни, быть может, более актуальным и необходимым, чем где бы то ни было.

III. Русский мессианиззм

Таким образом, нация отнюдь не является отрицательной реальностью, злом, — как не является злом отдельная личность человеческая. Наоборот, как и отдельная личность, она есть высоко-положительная реальность, будучи тоже личностью, но особого, высшего порядка. Злом, как говорил Вл. Соловьев, является не личность, а личный эгоизм и, следовательно, также зло есть не нация, а национальный эгоизм, то, что можно было бы назвать шовинизмом. Поэтому как личность должна быть подчинена служению Общему, — и тогда она обретает свое положительное утверждение, точно также и нация должна возвыситься до жертвенного служения общечеловеческому идеалу, обретя в нем ту или иную свою историческую миссию, чтоб и в существовании своем быть положительной реальностью, какой она является в своем существе.

Мы поэтому, отрицая национализм, как шовинизм, утверждаем национализм, как миссионизм, — для каждого народа и национализм, как мессианизм, — для русского народа, считая, что его роль в современную историческую эпоху является исключительной. Мы, следовательно, не националисты — в обычном смысле и не интернационалисты, а мессианисты — с одной стороны и универсалисты — с другой.

Из этого следует, что для надлежащего сосуществования нации и человечества должны быть найдены практические и идеологические пути и способы к организации народов в общечеловеческом, мировом масштабе. Иными словами, нужно наряду с национальными государствами создать сверхнациональное Мировое Государство, некие под-

линные Всемирные Соединенные Штаты. И такое государство, вдохновенное соответственной демиургической Идеей преобразования мира, и будет тем Абсолютным государством — и по объему, и по существу своему, которое является одним из основных моментов нашей идеологии. Будущая новая, Третья Россия и должна будет выступить в международном аспекте своей политики с этой универсалистической идеей, в чем и будут заключаться внешние пути ее мессианского призвания.

Само собой разумеется, такое гармоническое сверхнациональное объединение народов, объединение их в Общем Деле преобразования мира, в Демиургическом братстве-сотрудничестве возможно лишь на почве нового социально-культурного бытия и в свете нового сознания. Все попытки хотя бы частичного объединения народов на почве современного сознания и бытия, были и останутся тщетными и не реальными, — лишь компрометирующими самую идею объединения. Мы поэтому ставим эту великую проблему всех времен и нашего времени в особенности, не в отвлеченном и изолированном виде, а лишь в составе общей проблемы организации мира, являющейся сейчас верховной и первоосновой проблемой эпохи, в составе нового жизненного идеала и мобилизации новых социальных и исторических сил. Тем самым, и решение ее — практическое и теоретическое — должно состояться лишь на почве этой общей проблемы новой культуры и нового общества.

Для именно такого, вышеозначенного, призвания русского народа и роли его в дальнейшей судьбе человечества поразительным образом совпадают сейчас объективные, культурно-исторические условия нашей эпохи и его субъективные, национальные свойства и особенности. Россия сейчас является «силовым полем» современности, что — часто вопреки нам самим, утверждают и свидетельствуют не только многие, наиболее значительные представители современного мира, но и наиболее отзывчивые широкие массы его. В России в нашу эпоху перекрещиваются главные всемирно-ист. магистрали всего дальнейшего развития человечества. Это сообщает ее судьбе всечеловеческий характер. Поэтому и проблемы ее нужно ставить и решать, как всечеловеческие проблемы, — чему, с другой стороны, соответствует и ее национ. характер и особенности.

Узкий национализм — удел малых, посредственных национальностей, как эгоизм — удел человеческих ничтожеств. Так гений не может жить, не одаряя собой мир и он не мог бы реализоваться вне служения Общему. Подобно этому и великие, исторически гениальные народы не могут осуществить себя не на всемирном, общечеловеческом поприще. Такова была Греция, Рим, Египет, древняя Иудея — создательница христианства и др. Такова же в современном мире судьба России. Как говорил Чаадаев: «Россия слишком велика и мо-

гущественна, чтобы проводить национальную политику. Ее дело в мире есть политика рода человеческого».

Но русский народ не может замыкаться в рамках своего национального эгоизма не только в силу своего национального величия и своего всемирно-исторического положения, но и в силу ему одному свойственных национальных особенностей, — крайнего, доходящего до самозабвения универсализма и всечеловеческого, вселенского характера всех устремлений его. Что именно таков — универсалистический, вселенский дух русского народа, свидетельствуют все величайшие представители его культуры и национального сознания, начиная с выразителей идеи «России — Третьего Рима», через Чаадаева, славянофилов, особенно через Достоевского и Гоголя и всю вообще лучшую часть русской литературы и мысли до современного Третьего Интернационала включительно — при всем материалистическом оскудении и опошлении в нем этой универсалистической русской идеи. Русский, по характеристике Достоевского, это — всечеловек. В отношении к другим народам Россия по его словам видит свой идеал «в свободнейшем и самостоятельном развитии всех других наций и в братском единении с ними, восполняясь одна другою, прививая к себе их органические особенности и уделяя им от себя ветви для прививки, сообщаясь с ними душою и духом, участь у них и уча их и так до тех пор, когда человечество, восполняясь мировым общением народов до всеобщего единства, как великое и великолепное дерево осенит собою счастливую землю». И есть в нашем народе то свойство, которое так благоприятствует такой его роли всечеловеческого объединителя: «Это почти братская любовь наша к другим народам, это потребность наша всеслужения человечеству даже в ущерб иногда собственным ближайшим интересам; это нажитая нами способность в каждой из Европейских цивилизаций, или, вернее, в каждой из Европейских личностей открывать и находить заключающуюся в ней истину».

Но если такова должна быть миссия России в общечеловеческом аспекте, то тем самым, во весь рост и с особой значительностью, — по новому должна встать и национальная проблема в ее собственных пределах, как страны многонациональной и до сих пор по настоящему не разрешившей этот вопрос. А между тем, этот вопрос поневоле станет пробным камнем всей этой ее будущей универсалистической международной политики, как она вытекает из обозначенной универсалистической идеологии. В вышезамеченных **пределах** идея: Всемирных Соедин. Штатов и сверхнационального Мирового Государства решение этого вопроса в главных чертах вырисовывается само собой. Однако, последовательная тенденция осуществления этих идеалов должна решаться особо, — в порядке практически-политического приближения к ним. Во всяком случае, мы должны так разрешить этот наш внутренний национальный вопрос, чтоб решение это явилось достойным предметом нашего мессианизма, бы-

ло Новым Словом нашим и в этой области, ибо национальный вопрос — один из основных аспектов современной мировой проблематики. В этом решении мы должны создать положительный образец для такого рода решений, норму сосуществования достойную современных народов. Иными словами, мы должны создать такие формы национального объединения на своей собственной территории, чтоб они послужили эмбрионом и прототипом будущего общечеловеческого объединения.